

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

Л Ю Б И Ч Е В

Сергей Григорьевич

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ

( на русском языке)

Специальность № 12.00.09 - криминалистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой  
степени кандидата юридических  
наук

Москва - 1976 г.

Работа выполнена на кафедре криминалистики Всесоюзного Юридического заочного института

Научный руководитель - доктор юридических наук, профессор  
ПАНТЕЛЕЕВ И.Ф.

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук ЛАРИН А.М.

Кандидат юридических наук АКИМОВ В.И.

Ведущая организация - Воронежский Государственный Университет

Защита диссертации состоится 1 июля 1976г.

в 15 часов на заседании специализированного Совета Д-783/2 при Всесоюзном Юридическом заочном институте /г.Москва, Старокирочный пер., 13/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Автореферат разослан 29 мая 1976г.

Ученый секретарь Совета  
доктор юридических наук, профессор

В.П.Радьков.

2912

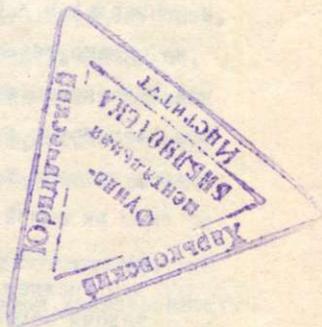
В программе Коммунистической партии Советского Союза указывается, что в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора. Возрастание роли нравственного регулирования общественных отношений в условиях развитого социализма, повышение нравственного сознания советских людей, претворение в жизнь принципов Морального кодекса строителя коммунизма, воспитание нового человека - все это послужило толчком для дальнейшего развития теоретических исследований в области марксистской этики вообще и профессиональной этики в частности..

Поставив задачу дальнейшего повышения идейно-нравственного и культурного уровня трудящихся, XXV съезд КПСС еще раз подчеркнул огромное значение норм коммунистической морали для развития советского общества.

"Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности,- говорил 13 УХУ съезде КПСС Л. И. Брежнев,- ... Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному дол-

код экземпляра

135007



ту, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию - задача нравственного воспитания" I/.

Значительно возросло за последнее время внимание ученых - юристов к проблемам судебной этики. Научная разработка этических основ судопроизводства имеет огромное значение для охраны таких ценностей, как честь и достоинство советских граждан, их свобода и личная неприкосновенность, гуманизм и справедливость судебных приговоров.

В ряде научных работ получали освещение общие этические проблемы судопроизводства, нравственное содержание принципов уголовного процесса и этические вопросы учения о доказательствах. Предпринимались отдельные попытки исследования этических сторон деятельности представителей тех или иных юридических профессий, использования в советском уголовном процессе тех или иных методов и средств, допустимости отдельных тактических приемов при производстве следственных действий.

Весомый вклад в решение этических проблем социалистического правосудия внесли М. С. Строгович, Ю. В. Кореневоцкий, Е. А. Райцев, Ч. С. Киселев, И. Д. Перлов, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокарев, Д. П. Котов и др.

Однако, теоретические исследования этических основ следственной тактики до настоящего времени не проводились. Несмотря на то, что разработка нравственных проблем следственной тактики имеет важное научное и практическое значение, на эту тему до сих пор не было ни одной диссертационной работы.

---

I/. Л. И. Фрежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренне<sup>й</sup> и внешней политики. Политиздат, М., 1976. стр. 92-94.

Актуальность данной проблемы, ее большая научная и практическая значимость явились основанием для выбора темы данного диссертационного исследования.

Автор предпринял попытку рассмотреть нравственное содержание уголовно-процессуальных норм, регулирующих производство следственных действий, рассмотреть отношение уголовно-процессуального закона, этики и следственной тактики, проанализировать с этических позиций содержание конкретных тактических приемов расследования, показать значение соблюдения норм морали при производстве предварительного следствия для решения задач уголовного судопроизводства и идейно-нравственного воспитания граждан.

При подготовке данной работы автором использованы произведения классиков марксизма-ленинизма, решения съездов КПСС и программные документы Коммунистической партии Советского Союза, теоретические работы советских и зарубежных авторов по вопросам криминалистики, уголовного права и процесса, философии и этики.

Выводы и рекомендации диссертанта основываются на анализе и обобщении следственной и судебной практики, руководящих указаниях Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик, на результатах проведенного анкетирования 714 следователей, прокуроров, судей и адвокатов г. Москвы, Московской, Ярославской, Калининской, Тульской и Владимирской областей, на анализе более 300 уголовных дел, изученных автором, и на личной следственной практике диссертанта, в частности, на данных, полученных при его участии в работе дежурной группы ГУВД Мосгорисполкома.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе "Уголовно-процессуальный закон, нравственность и следственная тактика" автор на основе общих марксистско-ленинских этических концепций, исследует отношение правовых и нрав-

венных норм в уголовном судопроизводстве, показывает важную роль этики в разработке тактических приемов предварительного следствия. Тактические приемы выполнения следственных действий, основанные на законе, непосредственно нормами права не регламентируются. Поэтому именно в сфере следственной тактики особенно велика роль нравственных норм, которые способствуют правильному применению того или иного тактического приема, определяют его содержание и направляют на достижение истины по делу.

Автором в историческом аспекте показано все более возрастающее влияние морали на развитие советского уголовно-процессуального законодательства. Исследуется вопрос о возникающих противоречиях между нормами права и морали и о способе их преодоления, анализируются с позиций марксистско-ленинской этики предложения о совершенствовании форм уголовного судопроизводства.

В диссертации с позиций судебной этики обосновывается несостоятельность предложений об упрощенных формах судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел, поскольку эти упрощения сводятся по существу к упреждению ряда процессуальных гарантий прав личности в уголовном процессе и не могут быть морально оправданы.

Следственная этика является частью судебной этики - науки о применении действующих в советском обществе норм коммунистической морали к специфической деятельности по расследованию и судебному разрешению уголовных дел. Задачи следственной этики заключаются в том, чтобы сформулировать этические основы следственной тактики, разработать нравственное содержание принципов уголовного процесса, развить нравственное сознание следователя до такого уровня, когда он в любой, даже самой сложной следственной ситуации, был бы всегда в состоянии принять правильное решение.

Диссертант возражает тем авторам, которые определяют судебную

этику, как науку о специфических нравственных нормах служебной деятельности и внеслужебного поведения профессиональных участников судопроизводства, нормах, которые дополняют, а в некоторых случаях ограничивают действие общих норм морали.

Существование особых нравственных норм следственной профессии, отличных от принципов и норм коммунистической морали, представляется сомнительным с теоретической точки зрения. На практике отстаивание подобной позиции способно привести к осложнениям в установлении истины по уголовному делу, затруднить осуществление целей уголовного судопроизводства.

"Каждая профессиональная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях профессиональной деятельности, но она не создает особой нравственности для данной профессии. Поэтому можно говорить о профессиональной этике, но даже уголовно нельзя говорить о "профессиональной нравственности"/М. С. Строгович/.

Признание существования в сфере уголовного судопроизводства особых нравственных норм служебной деятельности и внеслужебного поведения следственных работников может привести к использованию в практике расследования тактических приемов, основанных на психическом насилии, к предвзятости и необъективности расследования, нарушению этических основ следственной тактики под тем предлогом, что для работников данной профессии та или иная нравственная норма необязательна, что для них существует особая нравственность, которой они и руководствуются. В конечном счете идея особой "профессиональной" нравственности ведет к отрицанию единых и общих нравственных принципов уголовного судопроизводства.

Автор считает неприемлемым для советского уголовного судопроизводства построение "иерархии нравственных ценностей", предла-

гаемой некоторыми авторами, полагающими возможным в ходе расследования жертвовать одной нравственной ценностью во имя другой. Подобный подход к проблеме ценностей в уголовном судопроизводстве представляется ошибочным, ибо при подлинно нравственном подходе возникает вопрос о выборе между добром и злом, а не между большим или меньшим злом или добром, не о жертве одной ценностью во имя другой.

Ценностный подход здесь заключается не в построении какой-либо иерархии ценностей для определения "цены" каждой из них, а в теоретическом обосновании действительно существующих нравственных ценностей, отмежевании их от всего несущественного, ценности не представляющего, от лжеценностей, и обосновании недопустимости нарушения общих норм коммунистической морали под любым предлогом.

В работе с нравственных позиций рассматривается соотношение целей уголовного судопроизводства и средств их достижения. Подчеркивается, что глубоко нравственные цели социалистического правосудия могут быть достигнуты лишь средствами, предусмотренными законом и морально оправданными. Автор выступает против использования в советском уголовном процессе так называемых лжидетекторов /"разоблачителей лжи"/ и иных приборов, регистрирующих психофизиологические реакции организма, приемов, основанных на психическом насилии, "следственных хитростей", "психологических ловушек", обмана и др., как нравственно неоправданных методов.

В последние годы в криминалистической литературе были высказаны взгляды на процесс расследования преступлений, как на борьбу, "противоборство двух сил". Полагаем, что такое определение процесса расследования не свойственно советскому уголовному процессу. Принятие этой идеи расследования-борьбы способно привести к проникновению в следственную тактику недопустимых приемов, нарушению прав

граждан, нравственных ценностей общества и личности.

• О борьбе в следственной тактике можно говорить лишь в плане общего направления следственной деятельности — то есть о борьбе с преступностью, и в плане воспитательном — о борьбе за человека, за сохранение и укрепление в нем положительных черт личности. Определение процесса расследования как борьбы, "противоборства двух сил" означает превращение процесса расследования в борьбу с личностью как таковой, и в сочетании с "особыми нравственными нормами" судопроизводства ведет к замене нравственного принципа нетерпимости к антиобщественным проявлениям особой "нормой" нетерпимости к данной личности. Это в свою очередь открывает путь к отрицанию воспитательных целей правосудия.

Исходя из необходимости охраны таких нравственных ценностей, как жизнь и здоровье граждан, честь и достоинство личности, законодатель воспроизводит в уголовно-процессуальных нормах требования морали, направленные на защиту этих ценностей.

Однако, закрепление их лишь в некоторых статьях, регулирующих производство отдельных следственных действий, является, по нашему мнению, недостаточным. В связи с этим представляется целесообразным дополнить уголовно-процессуальное законодательство общей нормой о запрещении совершения в ходе предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовных дел действий, ставящих под угрозу жизнь и здоровье граждан, наносящих ущерб их чести и достоинству.

На основе изучения судебной и следственной практики, анализа уголовно-процессуального законодательства и норм морали автор предлагает целесообразным предоставление близким родственникам обвиняемого свидетельского иммунитета. Предлагается в законодательном порядке закрепить право свидетелей из числа близких родственников обвиняемого отказаться от дачи показаний, уличающих его в совершении

преступления. В случае согласия этих лиц на допрос в качестве свидетелей, представляется необходимым сохранить в отношении их предупреждение об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В таком случае нравственно оправданная мера, направленная на охрану душевного мира свидетеля, будет сочетаться с гарантией установления истины по делу.

В той же главе рассматриваются нравственные критерии при выдвижении следственных версий по уголовному делу и планировании расследования. Исследуется природа следственных версий и с нравственных позиций обосновывается необходимость выдержания по делу всех возможных в конкретной ситуации версий. В связи с этим подвергается критике точка зрения ряда авторов, полагающих, что по отдельным категориям уголовных дел выдвижение следственных версий не является обязательным.

Рассматривается этическое значение выдвижения следственных версий на основе показаний обвиняемых и подозреваемых, определяют нравственные критерии оценки фактических оснований для построения следственных версий и последствий, к которым приводит выдвижение необоснованных версий.

Дана характеристика модельно-волевых качеств следователя, проявляющихся при выдвижении версий и оставлении плана расследования, показана роль планирования в установлении истины по уголовному делу и в охране моральных ценностей общества и личности.

Глава II посвящена этическим основам тактики допроса и очной ставки на предварительном следствии.

Диссертант раскрывает этическое значение оценки оснований для производства допроса и очной ставки, роль нравственных норм в решении вопросов о времени и месте производства этих следственных действий, лицах, присутствующих при допросе, использовании тех-

нических средств для фиксации показаний.

\* Значительное место в диссертации отводится рассмотрению конкретных тактических приемов допроса и очной ставки и анализу этих приемов с позиций марксистско-ленинской этики.

Нравственно оправданными следует признать такие тактические приемы, как использование возможностей оводного рассказа, постановка дополнительных, уточняющих, напоминающих, контрольных вопросов, детализация показаний, предъявление в той или иной последовательности судебных доказательств, разъяснение значения чистосердечного признания и активного способствования раскрытию преступления /п. 9 ст. 38 УК РСФСР/, обращение к положительным качествам личности допрашиваемого и др. Вместе с тем, недопустима постановка завуалированных навводящих вопросов, из арсенала следователя должны быть безоговорочно исключены приемы, основанные на дезорганизации психических процессов допрашиваемого, игре на низменных побуждениях, обмане и т.д.

Отдельные криминалисты, считая возможным использование в ходе допроса таких "тактических приемов" как "воздействие на нравственную и эмоциональную сферу допрашиваемого, вызывающее невыгодный для него эффект", "раздробление сил противодействующей стороны путем разжигания конфликта между соучастниками" и т.п., игнорируют нравственные основы судопроизводства, допускают игру на низменных чувствах, использование отрицательных свойств личности и отрицательных эмоций для получения показаний во что бы то ни стало.

Использование отрицательных свойств личности и приведение допрашиваемого в возбужденное состояние, по мнению сторонников этого приема, способно привести к тому, что "в запальчивости, гнев обвиняемый расскажет то, что не высказал бы в обычном состоянии". Мы полагаем, что на пути проникновения подобных методов в советский уголовный процесс должен быть поставлен надежный психологический

и нравственный запрет.

Игра на низменных чувствах допрашиваемого приводит, кроме всего прочего, к снижению критичности его высказываний, утрате способности правильной оценки поступков, следствием чего может быть оговор невинного лица. Обращение при допросе к отрицательным свойствам личности допрашиваемого противоречит требованиям морали. Проведенный нами среди судей, прокуроров, следователей и адвокатов анкетный опрос показал, что подавляющее большинство работников юстиции /80,8%/ не считают возможным использовать подобные приемы.

Отдельные авторы допускают использование обмана при допросе. Это аргументируется тем, что "обман это только намеренное введение другого лица в заблуждение с целью извлечения материальной или иной личной выгоды... обман преследует низменные цели, в то время как следователь, используя данный тактический прием, ставит перед собой общественно-полезные и благородные цели".

Обман, независимо от цели, которую он преследует, остается обманом и не может быть оправдан морально. По данным проведенного нами анкетирования 88,6 % работников судебных и следственных органов, а также адвокатуры полагают недопустимым сообщение обвиняемому ложных сведений.

В работе подвергается критике предложение о внедрении в следственную практику т.н. "эмоционального эксперимента". Сущность "эмоционального эксперимента" заключается в "неожиданном пред"явлении обвиняемому материализованной информации /вещественного доказательства, человека и т.д./, связанной с совершенным преступлением, действиями по его подготовке, сокрытию следов преступления с целью вызова и наблюдения за реакцией обвиняемого, вызванной сильным изменением его эмоционального состояния под

воздействием пред"явленной ему информации". "Следователь, наблюдая реакцию обвиняемого, убеждается в правильности своей гипотезы о его причастности к данному уголовному делу. /А. В. Дулов/.

Несоостоятельность такого "тактического приема" с точки зрения нравственности об"ясняется прежде всего тем, что он основан на предвзятом отношении к показаниям обвиняемого. Кроме того, вопреки закону, за психо-физиологическими реакциями допрашиваемого признается значение судебных доказательств. Все это не основано на подлинно научных знаниях, ибо не установлена необходимая связь между ложью допрашиваемого и его психо-физиологическим состоянием. Несомненно, что все эти приемы, основанные на предвзятом отношении к обвиняемому, являются психическим насилием, и их применение противоречит этическим основам уголовного процесса и может нанести непоправимый вред правосудию.

Противоречащими нормам морали следует признать предложения о признании доказательственного значения за так называемыми "проговорками" допрашиваемого.

На использовании "проговорок" с целью получить признание обвиняемого некоторыми криминалистами рекомендуется целая группа "тактических приемов", в основе которых лежит вызов у допрашиваемого такого состояния, в котором он может неожиданно для себя проговориться. При этом создается ситуация, при которой допрашиваемый лишается возможности не только свободно занять ту или иную позицию но и в ряде случаев даже уяснить себе содержание того или иного вопроса. Это может привести не к получению достоверных показаний, не к установлению истины по делу, а к самоговору и оговору, привлечению к ответственности невиновных.

К подобным приемам по своему смыслу тесно примыкают так называемые "психологические ловушки", основой которых служит внезапное,

без всякой связи с предыдущими действиями следователя или вопроса-ми неожиданное пред"явление того или иного доказательства или постановка неожиданного вопроса. Сторонники этих приемов исходят из того, что "внезапность лишает допрашиваемого возможности подгото-вить ложный ответ и приводит к необходимости дать правдивые по-казания. При этом не учитывается, что применение подобных приемов не только разрушает систему ложных ответов лица, дающего ложные показания, но и дезорганизует психические процессы добросовестного допрашиваемого.

Как не согласующиеся с нормами морали и направленные на ис-кусственное создание доказательств по уголовным делам следует рас-сматривать случаи производства допроса в присутствии понятых и иных не указанных в законе лиц. До последнего времени наблюдаются случаи такого допроса при производстве т.н. "выхода на место про-исшествия" с обвиняемым, действия, которое проводится нередко лишь с целью "закрепить" "признательные" показания этого лица. С нрав-ственных позиций заслуживают решительного осуждения и случаи использования магнитофонной записи с единственной целью "закре-пить" показания обвиняемого.

При рассмотрении встречающегося в криминалистической литера-туре понятия "психологического контакта" следователя с допрашиваем-ым и приемов его установления, диссертант исходит из того, что определение "контакта" лишь в психологическом аспекте и оставление без внимания этической стороны поведения следователя во время до-проса является недостаточным. Закономерности психологии и нравствен-ные нормы в равной мере должны учитываться при установлении "кон-такта", в связи с чем, на наш взгляд, более правильно говорить не о психологическом, а о нравственно-психологическом "контакте", направленном на создание нравственно благоприятной обстановки расследования.

Должны решительно осуждаться с нравственных позиций такие способы установления "контакта", как подражание манерам и пользование лексиконом допрашиваемого, переход на "ты", панибратство, приемы, направленные на демонстрацию различной линии поведения допрашивающих и т. п.

Большое значение для установления "контакта" имеют личные качества следователя, его манера держать себя на допросе, разговаривать с допрашиваемым и т. д. Культура поведения, опрятность внешнего вида, вежливость, внимательность, тактичность и другие качества, относящиеся к эстетике поведения, должны стать неперемнными требованиями нравственности, обращенными к следователю.

Исследуя с позиций судебной этики особенности производства очной ставки на предварительном следствии, автор подчеркивает мысль законодателя, что целью очной ставки является устранение существенных противоречий в показаниях двух ранее допрошенных лиц, в связи с чем производство очных ставок, преследующее иные цели, следует рассматривать, как действие, противозаконное и не соответствующее с требованиями морали.

В литературе встречаются, например, рекомендации проводить очную ставку с целью укрепления волевых качеств, позиции обвиняемого, дающего, по мнению следователя, правдивые показания. Подобные рекомендации противостоят действующему законодательству, ибо основанием для производства очных ставок являются не мелкие и незначительные, а существенные противоречия, при которых показания допрашиваемых взаимно исключают друг друга.

Производство таких очных ставок противостоят и требованиям морали, поскольку действия следователя в этих случаях направлены не на устранение имеющихся противоречий, не на выяснение истины, а на закрепление "признательных" показаний одного из допрашиваемых. Такие очные ставки являются формой неправомерного психического

принуждения и ограничивают возможности обвиняемого на защиту.

Нравственные нормы обязывают следователя с одинаковым вниманием относиться к показаниям обеих участников очной ставки, проявлять максимум объективности и беспристрастности, не создавать неравных условий допроса для участников очной ставки.

Противопечат требованиям нравственности взгляды на очную ставку как на реализацию "специфического метода воздействия" на дающего ложные показания, ибо использование очной ставки в подобных целях неизбежно связано с проявлением необъективности и обвинительного уклона в расследовании, ставит участников этого следственного действия в неравные условия.

В главе III исследуются этические основы тактики следственного осмотра и освидетельствования, обыска и выемки, предъявления для опознания, следственного эксперимента и назначения экспертизы. С нравственных позиций рассматриваются основания производства этих следственных действий, тактические приемы их выполнения.

Касаясь осмотра места происшествия, автор подчеркивает, что по общему правилу осмотр производится после возбуждения уголовного дела. Лишь в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. При этом оценка случаев, не терпящих отлагательства, как оснований исключительного порядка производства осмотра места происшествия, имеет достаточно выраженное нравственное значение.

Правовые и нравственные нормы регулируют производство следственного осмотра и подготовку к нему. Большое нравственное значение имеют обращенные к следователю требования при подготовке к осмотру места происшествия принять срочные меры к пресечению преступления, задержанию виновных, оказанию помощи потерпевшим, обеспечению безопасности лиц, участвующих в осмотре.

Глубокий нравственный смысл содержится в обязанности следо-

вателя активно участвовать в осмотре, быть одновременно организатором и руководителем этого следственного действия, обеспечить четкую и слаженную работу других участников осмотра, от чего во многом зависят результаты осмотра места происшествия. Противоречат требованиям морали случаи переложения следователем своих прямых обязанностей по осмотру места происшествия на других участников - оперативных работников, специалистов.

Определенное значение при осмотре принадлежит морально-волевым качествам следователя. Стремление выполнить свой служебный и нравственный долг, сознание ответственности за порученное дело, помогают ему отвлечься от всего постороннего, сконцентрировать свое внимание на производстве осмотра.

Осмотр места происшествия несет большую воспитательную нагрузку. Следователь и другие участники осмотра должны строго следить за тем, чтобы их действия не расходились с требованиями морали, и учитывать то воздействие, которое может иметь на граждан каждый их поступок. Не отвечающими требованиям морали следует признать иногда допускаемые высказывания участников осмотра в присутствии посторонних лиц о предполагаемом виновнике обстоятельств преступления, выдвинутых следственных версиях. В таких условиях подобные высказывания граничат с разглашением следственной тайны, а порой могут породить у окружающих необоснованные подозрения в отношении непричастных к делу лиц.

Определенные требования предъявляет нравственность к действиям следователя при осмотре жилищ, предметов обстановки и иного имущества граждан.

Закон, регламентируя производство осмотра, прямо не предусматривает обязанности следователя принять меры к неразглашению выявленных в ходе осмотра обстоятельств, относящихся к

интимной жизни граждан. Такую обязанность возлагают на следователя нравственные нормы. Поэтому не принятие следователем мер к сохранению в тайне сведений, относящихся к сфере интимной жизни граждан, ставших ему известными в ходе производимого им осмотра, является нарушением требований морали.

Дополнительные требования накладывают на следователя нормы морали при производстве осмотра почтово-телеграфной корреспонденции и при эксгумации.

Ряд положений закона о производстве освидетельствования воспроизводит нравственные требования. Так, ст. 181 УПК РСФСР запрещает производить при освидетельствовании действия, унижающие достоинство освидетельствуемого и опасные для его здоровья; обязывает следователя пригласить понятых одного пола с освидетельствуемым, когда это действие сопряжено с обнажением последнего, и воздержаться от личного присутствия при освидетельствовании, поручив его производство врачу, если освидетельствуемое лицо другого пола.

Закон требует от следователя в необходимых случаях пригласить для участия в освидетельствовании врача. Понятие "необходимых случаев" применительно к освидетельствованию в законе не раскрывается, и правильное решение этого вопроса возможно лишь на основе нравственных норм. По нашему мнению, присутствие врача следователь должен обеспечить при производстве освидетельствования, имеющего целью установление на теле человека таких следов преступления, как телесные повреждения, кровь, сперма, и иные объекты судебно-медицинского значения, а также, как это прямо предусмотрено в законе, во всех случаях освидетельствования, сопряженного с обнажением освидетельствуемого лица другого пола.

Рассматривая вопрос о возможности принудительного освидетельствования обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и потерпевших,

автор отмечает, что принудительное освидетельствование потерпевших и свидетелей противоречит их процессуальному положению, и как действие, нарушающее их права и причиняющее нравственный ущерб личности, не может быть признано нравственно оправданным. Принуждение по отношению к лицу, заведомо не причастному к преступлению, каким является свидетель, а тем более по отношению к потерпевшему, которому уже причинен вред преступлением, не может быть оправдано задачами борьбы с преступностью, ибо эти задачи могут и должны быть успешно решены при неуклонном соблюдении прав и законных интересов граждан.

2912  
Обоснованность обыска и выемки является не только правовым, но и нравственным требованием, обращенным к следователю. Производство обыска и выемки без достаточных к тому оснований нарушает гарантированные Конституцией СССР права граждан, ущемляет их законные интересы, наносит ущерб их чести и достоинству.

Определенные требования предъявляет мораль к следователю при решении вопроса о подборе понятых для производства обыска и выемки. Производство обыска в той или иной мере бросает тень на репутацию граждан, в связи с чем обыскиваемые во многих случаях бывают заинтересованы в том, чтобы факт обыска или выемки не получил широкой огласки. Поэтому следователь при подборе понятых обязан остановить свой выбор на лицах, присутствие которых при обыске не влекло разглашение сведений. Исходя из этого представляется оправданным с нравственных позиций приглашение в качестве понятых, как правило, тех граждан, которые обыскиваемого не знают. С этой же целью следователь вправе предупредить понятых о необходимости сохранения в тайне факта производства обыска.

Рассматривая вопрос о применении следователем при производ-

стве обыска и выемки принудительных мер, автор полагает, что использование подобных мер нравственно допустимо лишь в случаях, когда использованные методы убеждения не дали положительных результатов.

Ввиду того, что при обыске неизбежно принудительное вторжение в личную жизнь граждан, большое значение приобретает такт следователя, вежливость в обращении с обыскиваемыми лицами.

Дополнительные требования предъявляет мораль к следователю при производстве личного обыска граждан, а также обысков в помещениях, занимаемых лицами, не причастными к делу.

Закон указывает лишь на наиболее важные нравственные ценности, которые следователь обязан охранять при производстве следственного эксперимента и причинение вреда которым во всех случаях приводит к нарушению нравственных требований.

Этические основы следственного эксперимента не исчерпываются нравственными нормами, обязывающими следователя принимать меры к охране здоровья граждан, их чести и достоинства при производстве этого следственного действия. К ним относятся и другие нравственные требования, не отраженные непосредственно в законодательстве, но соблюдение которых необходимо для успешного расследования преступлений. Эти нормы нравственности регулируют отношения между следователем и другими участниками следственного эксперимента, оказывают влияние на их подбор, помогают следователю правильно определить время и место производства следственного эксперимента. Так, при выборе места производства следственного эксперимента следует учитывать, что он иногда бывает связан с демонстрацией способа совершения преступления, и воспроизведение подобных действий в местах, где за ходом эксперимента могут наблюдать посторонние лица, не отвечает требованиям морали.

Вопрос о возможности и целесообразности производства пред"яв-

ления для опознания может быть правильно решен лишь при учете норм нравственности. В ходе опознания опознающему лицу пред"являются те или иные предметы или лица, имеющие отношение к расследуемому событию. Чаще всего опознание производится в отношении подозреваемых и обвиняемых, орудий преступления и предметов, добытых преступным путем. Пред"явление этих лиц и предметов опознающему, например, малолетнему потерпевшему, может в некоторых случаях вызвать у него отрицательные эмоциональные состояния, нанести моральную травму.

При описании признаков внешности опознаваемого не следует прибегать к терминологии "словестного портрета", если допрашиваемый не знаком с ней и не пользуется этой терминологией. В противном случае допрашиваемый был бы вынужден подписать протокол, в котором содержатся непонятные для него выражения, а это нельзя признать оправданным с моральной точки зрения.

Глубоко безнравственным является несоблюдение требования закона о пред"явлении для опознания лиц и предметов в группе сходных с ними в количестве не менее трех.

Пред"явление для опознания лиц или предметов в единственном числе, или в числе трех, но существенно различающихся, повышает возможность ошибочного опознания, когда опознающий "узнает" предмет или лицо не потому, что именно его он наблюдал ранее, а потому, что он единственный подходит под ранее данное им описание.

Нравственные нормы обязывают следователя принять меры к тому, чтобы вывод опознающего, сделанный им при пред"явлении для опознания, был свободен от какого бы то ни было внушения, воздействия обстановки расследования, авторитета следователя и основывался на узнавании, сопоставлении идентификационных признаков пред"явленных лиц или предметов с теми признаками, которые отложились в сознании

опознающего.

Противоречит, на наш взгляд, требованиям закона и этики встречающиеся в криминалистической литературе рекомендации о том, что при производстве опознания по функциональным признакам /походке, голосу/ не следует ставить опознаваемого в известность о производстве опознания. Эти рекомендации иногда могут дать положительные результаты при производстве оперативно-розыскных мероприятий, но осуществление их при производстве следственных действий нельзя признать оправданным с этической точки зрения. Мы согласны с тем, что не во все детали этого следственного действия надо заранее посвящать опознаваемого, но вообще не ставить его в известность о пред"явлении для опознания было бы неправильно.

Поскольку применение фотос"емки, как способа фиксации результатов пред"явления для опознания, может быть оскорбительным для участников этого следственного действия в случаях, когда эти лица фотографируются вместе с лицом, подозреваемым в совершении преступления, применение этого средства фиксации следует считать неэтичным, но допустимым только в случае об"явления на это указанных лиц.

Вопросы, связанные с назначением и производством экспертизы, обеспечением всесторонности и полноты экспертного исследования, соблюдением прав обвиняемого при назначении и производстве экспертизы и оценкой выводов эксперта и другие решаются на основе требований, содержащихся в ст. ст. 184-194 УПК РСФСР с учетом нравственных критериев.

Одним из правовых и нравственных требований, пред"являемых к следователю при решении им вопроса о назначении экспертизы является ее обоснованность. Лишь при наличии фактических и правовых оснований для назначения экспертизы она может служить средством установления истины. Назначение экспертиз в случаях, когда для

решения тех или иных вопросов не требуются специальные познания, или когда эти вопросы не имеют существенного значения для дела либо в случаях, когда заведомо для следователя поставленные вопросы не могут быть разрешены при современном уровне развития той или иной отрасли науки, причиняет лишь ущерб следствию и не может быть оправдано с позиций этики.

Выяснение данных о специальности и компетентности эксперта является как правовой, так и нравственной обязанностью следователя, исполнение которой в значительной мере гарантирует достоверность экспертного заключения.

Ознакомление обвиняемого о постановлении о назначении экспертизы и разъяснение ему его прав при назначении и производстве экспертизы - обязанность следователя, обеспечивающая право обвиняемого на защиту. Нравственным долгом следователя является обеспечение возможности обвиняемому реально осуществить это право.

При назначении и производстве экспертизы права обвиняемого распространяются и на подозреваемого, однако, лишь в случае направления его на стационарное обследование в медицинское учреждение /ст. 109 УПК РСФСР/. Представляется, что этими правами целесообразно наделить подозреваемого во всех случаях назначения судебных экспертиз. Производство экспертизы существенно затрагивает интересы подозреваемого, ее результаты являются одним из оснований изменения процессуального положения этого лица, и предоставление ему прав, закрепленных в ст. ст. 104-105 УПК РСФСР, на наш взгляд, способствовало бы объективности и всесторонности расследования, укреплению гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Нередко по делам о преступлениях, связанных со служебной деятельностью должностных лиц, экспертизы вводятся до привлечения

их в качестве обвиняемых, что позволяет выявить обстоятельства, которые вменяются затем в вину обвиняемому. Предоставление в подобных случаях указанным лицам права ставить на разрешение экспертизы дополнительные вопросы, присутствовать с разрешения следователя при ее производстве и давать объяснения эксперту по вопросам, связанным с предметом экспертизы, заявлять ходатайства не предусмотрено уголовно-процессуальным законом, но находится в полном соответствии с нравственностью, обеспечивая достоверность выводов экспертизы, быстроту и всесторонность расследования.

х х  
х

Основные положения диссертации отражены в следующих печатных работах автора:

1. Нравственные основы планирования расследования и тактики отдельных следственных действий. Труды ЮЗИ, т. 37, ч. П. М. 1974.
2. Уголовно-процессуальный закон, следственная тактика и нравственность. Труды ЮЗИ, т. 40. М. 1975г.

Кроме того, по теме диссертации опубликованы тезисы научных докладов автора на Московских межвузовских теоретических конференциях аспирантов и адъюнктов:

1. Этические основы допроса. В сб. Проблемы предупреждения преступности и дальнейшего укрепления законности и правопорядка. Материалы 5-й научной конференции аспирантов и соискателей/. М. 1974
- Этические основы обиска. В сб. Законность, правопорядок и правовая культура. /Материалы 3-й межвузовской научно-теоретической конференции адъюнктов и аспирантов/. М. 1974.